

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА БАВАРИИ (конец 1917 — начало 1918 г.)

И. С. Кремер

Проблемы, связанные с влиянием Великого Октября на германское рабочее движение, за последние годы привлекли внимание многих советских исследователей¹. Этим вопросам посвящены специальные документы ЦК СЕПГ, труды В. Пика, В. Ульбрихта², сборники документов³, воспоминания участников событий⁴, сборники статей и докладов⁵.

Среди работ немецких историков особое место занимают монографии К. Маммаха, Л. Штерна и В. Бартеля⁶. В этих исследованиях на основе большого архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, дается марксистская оценка влияния социалистической революции в России на немецкий рабочий класс, выявляется соотношение важнейших внутригерманских факторов и такого могучего внешнего фактора, как Октябрьская революция, воздействовавших на ход событий в Германии.

¹ См. В. Г. Брюнин. Первые отклики рабочего класса Германии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ленинский декрет о мире (ноябрь — декабрь 1917 г.). Сборник «Из истории Германии нового и новейшего времени». М. 1958; Ф. Ф. Головачев. «Спартак» и Брестский мир. Там же; К. Г. Газизов. Великая Октябрьская социалистическая революция в России и антивоенное революционное движение в Германии в ноябре 1917 — январе 1918 года. «Ученые записки» Кировского педагогического института имени В. И. Ленина. Вып. 11, 1957; В. А. Козюченко. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение Германии в конце 1917 и начале 1918 г. «Ученые записки» Сталинградского педагогического института. Вып. 8, 1957, и др.

² «Thesen der KPSSU und der SED zum 40 Jahrestag der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution». Berlin, 1957; В. Пик. Великая Октябрьская социалистическая революция и германское рабочее движение. М. 1957; В. Ульбрихт. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение. «Новая и новейшая история». 1957, № 5.

³ «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» (далее: «Dokumente und Materialien...»). Reihe II, Bd. 2 Berlin, 1957.

⁴ «Roter Oktober 1917. Wie deutsche Arbeiter und Soldaten das Sturmjahr der Weltwende erlebten». Berlin, 1957.

⁵ «Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Oktoberrevolution». Berlin, 1957; «Die Oktoberrevolution und Deutschland. Protokoll der wissenschaftlichen Tagung der Kommission der Historiker der DDR und der UdSSR in Leipzig von 25. bis 30. November 1957». Berlin, 1958. (Русский перевод: «Октябрьская революция и Германия. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года». М. 1960).

⁶ К. Маммах. Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. Berlin, 1955. (Русский перевод: К. Маммах. Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии. М. 1957); Leo Stern. Der Einfluss der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung. Berlin, 1958. (Русский перевод: Лео Штерн. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию и германское рабочее движение. М. 1960); W. Bartel. Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958. (Русский перевод: В. Бартель. Левые в германской социал-демократии против милитаризма и войны. М. 1959).

Особенно полно изучено советскими историками и историками Германской Демократической Республики развитие революционной борьбы рабочих в Берлине, в Саксонии, в Силезии. В работах советских и германских историков раскрываются различные стороны проблемы, но внимание исследователей приковано в основном к центру и востоку страны. Это объясняется, по-видимому, скудостью источников по истории рабочего движения в Западной Германии, в частности в Баварии.

Между тем история рабочего движения в Баварии на рубеже 1917—1918 гг. представляет особый интерес, ибо события этого времени явились преддверием революционных бурь конца 1918 г. и весны 1919 г., когда баварский рабочий класс создал пролетарскую республику.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы, недавно ставшие доступными историку, позволяют более детально, чем то было сделано до сих пор, исследовать вопрос о революционной антивоенной борьбе баварского рабочего класса зимой 1917—1918 годов. Наиболее ценным источником являются неопубликованные архивные материалы — следственные дела германского суда и прокуратуры об активных участниках рабочего движения⁷. В этих материалах имеются показания арестованных революционеров и рабочих-активистов, полицейские донесения о нелегальной деятельности спартаковцев и леворадикалов, показания свидетелей, листовки, письма, вырезки из местных газет и т. д.



Во время войны мутные волны буржуазного национализма и шовинизма затопили социалистические партии Западной Европы. Рабочий класс Германии, равно как и других западноевропейских стран, преданный правыми социал-демократическими лидерами, был дезориентирован. Победоносная социалистическая революция в России открыла ясные перспективы перед пролетариатом всех стран. Русская революция сразу же серьезно изменила международное положение и оказала воздействие на все слои общества, на все партии и политические группы в воюющих и нейтральных странах.

В Германии идеи Октябрьской революции попадали на особенно благоприятную почву, ибо в стране назревал революционный кризис. Еще апрельская массовая стачка 1917 г., когда впервые на немецкой земле возникли Советы рабочих депутатов, а также восстание военных моряков летом 1917 г. показали, что терпение народа истощилось⁸. Другим проявлением обострения политической обстановки в тот период явилось быстрое размежевание социалистического движения: в апреле 1917 г. из социал-демократической партии Германии выделилась центристская по составу руководства, но левая по настроениям своей основной членской массы Независимая социал-демократическая партия. Спартаковцы, обусловив себе известную автономию, вошли в НСДПГ. То, что революционный авангард немецкого рабочего движения не создал в течение всей войны самостоятельную политическую партию нового типа, не разорвал организационно с независимцами, было крупной ошибкой, признанной позднее руководителями «Спартака»⁹. Но тот факт, что более 100 тыс. рабочих почти сразу же покинули партию «правительственных социалистов» и вступили в НСДПГ, свидетельствовал о колоссальных сдвигах в настроении масс. К осени 1917 г. обострился и кризис

⁷ Deutsches Zentralarchiv. Potsdam. Akten des königliches Bayerischen Landesgericht. München I. Untersuchung wegen Landesverrat Eisner Kurt und Genossen. Bd. I—V (далее: DZA Potsdam).

⁸ О революционных событиях в Германии в 1917 г. см. З. К. Эггерт. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М. 1957.

⁹ См. письмо Ф. Меринга, опубликованное в «Правде» 13 июня 1918 года.

«верхов», что проявилось, в частности, в политической борьбе между буржуазными партиями по вопросу о мире.

Требования мира к осени 1917 г. охватывали самые широкие слои населения Германии. Измученный войной, голодом, каторжным трудом, немецкий народ горячо стремился к миру.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России дала толчок мощному подъему антивоенного и революционного движения в Германии. Немецкий рабочий класс, несмотря на лживую буржуазную пропаганду, сумел разобраться в существе событий, в массе своей принял и приветствовал революцию в России.

В ноябре — декабре 1917 г. по стране прокатилась волна собраний и демонстраций солидарности с русской революцией, за мир. 18 ноября в Берлине состоялись манифестации, разогнанные полицией с помощью оружия¹⁰. Во время демонстрации 25 ноября дело также дошло до открытой схватки с полицией¹¹. В эти месяцы впервые после апреля 1917 г. возобновились стачки, носившие политический характер.

На Восточном фронте поднялась новая волна массового братания. Военные действия прекратились почти на всем фронте еще до 2 декабря, когда было подписано частичное перемирие.

Все три течения в германском рабочем движении должны были определить свое отношение к русской революции и к предложению Советского государства о мире.

Правое руководство СДПГ встретило Октябрьскую революцию резко враждебно, и эта враждебность возрастала из месяца в месяц. Правые лидеры социал-демократов стремились доказать, что Октябрьская революция — явление «чисто русское», продукт совершенно особых, русских условий, что она не может быть образцом для немецкого рабочего класса. Больше всего «правительственных социал-демократов» беспокоил вопрос о том, в какой мере русская революция подорвет военные силы Германии. В этом смысле не было различия в оценке событий в России между правыми руководителями социал-демократии и деятелями буржуазии.

Правые лидеры СДПГ стремились использовать события в России в своих интересах. Многие из них, выступая в ноябре — декабре 1917 г. на собраниях рабочих, скрывали свое истинное отношение к Октябрьской революции, выражали на словах симпатии к русскому революционному народу, к социалистической революции в России. В пропагандистских маневрах такого рода и заключалась одна из причин сохранения влияния СДПГ на широкие слои германского рабочего класса.

Центристы, штабом которых было правление Независимой социал-демократической партии и фракция этой партии в рейхстаге, в своих воззваниях приветствовали русскую революцию; они подхватили ее лозунг «Мир без аннексий и контрибуций!». Но независимцы ограничивались призывами к протестам против захватнической политики правительства и не только не поднимали народ на борьбу за революционный выход из войны, но, наоборот, отвлекали значительную часть рабочего класса от революционной борьбы.

Спартаконцы и леворадикальные группы в Бремене, Дрездене и Гамбурге звали рабочий класс на борьбу за мир и в поддержку русской революции¹². Руководители «Спартака» К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Л. Йогихес, В. Пик с первых

¹⁰ «Dokumente und Materialien...». Bd. 2. November 1917 — Dezember 1918, S. 23—24.

¹¹ Архив Института истории АН СССР, ф. V, д. 7/82, л. 23.

¹² О позиции германских левых по отношению к социалистической революции в России см. W. Bartel. Указ. соч.; «Октябрьская революция и Германия». стр. 250—265, 274—276 (выступления К. Дрекслера и В. Брюнина); «Vorwärts und nicht vergessen». Berlin. 1958, S. 233—245.

дней пролетарской революции стали ее лучшими друзьями и пропагандистами ее идей среди германского рабочего класса. Спартаковцы разъясняли смысл событий в России, постоянно подчеркивали связь между судьбами русской революции и германским рабочим движением, историческую ответственность германского рабочего класса за характер и условия будущего мирного договора с пролетарским государством. Они убеждали германский рабочий класс, что дело русских рабочих есть дело всего международного пролетариата¹³. В своих листовках, изданных в конце 1917 г., спартаковцы призывали немецкий рабочий класс к борьбе за превращение сепаратного мира, к которому стремилось германское правительство, во всеобщий мир¹⁴. Историческая заслуга спартаковцев состоит в том, что они первыми в Германии вместе с леворадикалами Бремена показали, что революция является единственным путем к заключению справедливого, демократического мира, и вели идеологическую подготовку революции в стране.

К концу 1917 г. спартаковцы имели нелегальный аппарат, располагавший тайными типографиями, явками, сложной системой фиктивных адресов для переписки; они печатали свои издания большими тиражами. И каждый листок, полный горячих призывов к борьбе, составленный лаконично, ясно, был настоящим лучом света в темном царстве осадного положения, репрессий, предательства правых лидеров и теоретической неразберихи в рядах центристов.

Группа «Спартак» сыграла решающую роль в организации массового выступления германских рабочих в январе 1918 года. На совещании партийного руководства независимцев в начале января представитель спартаковцев предложил в связи с открывшимися 22 декабря 1917 г. переговорами в Брест-Литовске начать массовые действия в пользу мира. Боясь потерять влияние на революционно настроенные массы, руководство НСДПГ приняло решение призвать немецкий рабочий класс к трехдневной стачке с целью изъявления своей воли к миру. Когда было подготовлено обращение к рабочим, фракция НСДПГ в рейхстаге потребовала изъять из текста призыв к стачке. Бессодержательность такого документа была очевидной, и спартаковцы настаивали на внесении в него исправлений. Однако соглашение не было достигнуто, и листовка «Мужчины и женщины трудового народа!» была издана в том виде, какого добивались депутаты-независимцы¹⁵.

За несколько дней до начала стачки была распространена листовка спартаковцев «В понедельник, 28 января, начинается массовая стачка!», послужившая сигналом к выступлению¹⁶. Спартаковцы призывали продолжать стачку до тех пор, «пока не будут полностью осуществлены наши минимальные требования: отмена осадного положения, цензуры, всех ограничений свободы коалиций, стачек, союзов и собраний, освобождение всех политических заключенных», с тем, чтобы, добившись от правительства выполнения этих требований, «свободно развернуть борьбу

¹³ См. «Spartakusbriefe». Bd. 2. Berlin. 1921, S. 105.

¹⁴ См. «Спартак» во время войны». М. 1933, стр. 179—182.

¹⁵ Интересно отметить, что перепечатанная в газете независимцев в г. Гота, эта листовка не вызвала возражений цензуры («Dokumente und Materialien...» Bd. 2, S. 132). В Дрездене прокурор прекратил дело против одного из жителей города, обвинявшегося в распространении листовки «Мужчины и женщины трудового народа!», так как «содержание листовки само по себе не наказуемо». (См. К. Маммах. Указ. соч.).

¹⁶ «Спартак» во время войны», стр. 182—185. Всего в связи с подготовкой стачки спартаковцы отпечатали и распространили 8 листовок тиражом от 25 тыс. до 100 тыс. экз. («Dokumente und Materialien...» Bd. 2, S. 136). Во всех этих документах, помимо определения непосредственных ближайших целей забастовки (воздействие на позицию германского правительства в Брест-Литовске, демократизация государственного устройства и т. д.), содержались решительные призывы к свержению правительства и к действиям «по-русски».

за власть, за народную республику в Германии и за немедленный всеобщий мир». Листовка призывала создать местные Советы рабочих депутатов, а на каждом предприятии — руководящий комитет. Всеобщая забастовка рассматривалась как первый шаг в этой борьбе¹⁷.

В результате энергичной повседневной пропагандистской деятельности спартаковцев рабочие столицы были в большинстве своем подготовлены к объединенным массовым действиям. Январско-февральская всеобщая стачка — самое грандиозное выступление рабочих Западной Европы в годы войны (до Ноябрьской революции) — началась 28 января 1918 г. забастовкой крупнейших заводов в Берлине. В стачку включились 400 тыс. рабочих¹⁸ (в последующие дни число стачечников в столице возросло до 600 тыс. человек). Вечером в Доме профсоюзов открылась конференция представителей бастующих предприятий. Делегаты конференции объявили себя Советом рабочих представителей и сформулировали требования рабочих Берлина: 1) немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций на основе права на самоопределение, то есть на условиях, выдвинутых русскими уполномоченными в Брест-Литовске; 2) привлечение рабочих всех стран к участию в мирных переговорах; 3) эффективное обеспечение продовольствием, равномерное снабжение всех слоев населения; 4) немедленная отмена осадного положения, полное восстановление прав профсоюзов, закона об охране работниц и молодежи; запрещение вмешательства военных властей в деятельность профсоюзов; 5) отмена милитаризации предприятий; 6) немедленное освобождение всех арестованных и осужденных по политическим мотивам; 7) решительная демократизация всего государственного устройства в Германии и прежде всего введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права в прусский ландтаг для всех мужчин и женщин старше 20 лет¹⁹.

Документы конференции представителей бастующих позволяют судить об огромном влиянии русской революции на сознание рабочих, включавшихся в стачку. Первый пункт «7 требований» особо провозгласил поддержку предложенной русской делегации в Брест-Литовске, второй — почти дословно повторил требование, неоднократно выдвигавшееся Советским правительством в ноябре — декабре 1917 года. Германский рабочий класс вел борьбу за прекращение войны на всех фронтах и за всеобщий мир, в поддержку «русских условий» мира, выдвинутых в Брест-Литовске.

Движение, начатое металлистами Берлина, быстро распространялось по всей стране. Стаечная борьба охватила заводы, фабрики, верфи в городах Билефельд, Бремен, Вильгельмсгафен, Галле, Гамбург, Доргмунд, Дрезден, Иена, Киль, Кельн, Лейпциг, Магдебург, Эссен и др. — всего примерно в 40 городах. В разгар стачки число бастующих достигло 2 млн. человек²⁰.

Одним из самых крупных очагов всеобщей стачки стала Бавария.



Несмотря на то, что с 1871 г. Бавария была составной частью Германской империи и в течение десятков лет втягивалась в общеимперские рыночные связи, к концу первой мировой войны она сохраняла некото-

¹⁷ См. листовку спартаковцев «Да здравствует всеобщая забастовка! На борьбу!». «Спартак» во время войны», стр. 186—188.

¹⁸ DZA Potsdam. Гектографированный листок «Für Information», рассылавшийся руководителями стачки в Берлине местным организациям стачечников (имеется в ряде следственных дел).

¹⁹ «Vorwärts», 29 января 1918 года.

²⁰ W. Pieck. Reden und Aufsätze. Bd. II. Berlin. 1951. S. 116.

рые остатки хозяйственной замкнутости²¹. В промышленности и ремесле за несколько лет до войны здесь было занято немногим более 1 млн. чел., что составляло 27,6% всего самодеятельного населения Баварии²². В течение четырех лет войны происходили важные изменения в составе рабочего класса Баварии. Число рабочих все время уменьшалось в связи с мобилизациями и переводом рабочих в индустриальные районы страны. Однако качественный состав пролетариата не ухудшался, ибо взамен покинувших Баварию рабочих в Мюнхен и Нюрнберг в связи со строительством филиалов оружейных заводов Круппа и расширением ряда других заводов были направлены с запада рабочие Рура, закаленные в борьбе пролетарии.

Сравнительно слабая концентрация производства в Баварии, разпыленного в главных отраслях между 34 тыс. предприятий (в среднем — 16 рабочих на предприятие), создавала серьезные трудности для организации и борьбы рабочего класса. В то же время распыленность производства свидетельствовала о слабости собственно баварской буржуазии, о низкой степени концентрации капитала. Мелкая и отчасти средняя буржуазия Баварии, страдавшая от конкуренции индустриальных центров Северной и Западной Германии, сохраняла сепаратистские настроения, считая войну результатом политики Пруссии²³.

Важнейшее значение для развития и успеха борьбы рабочего класса Баварии имела позиция крестьянства, составлявшего более $\frac{2}{5}$ всего населения. Некоторые авторы, касавшиеся этого вопроса, писали об индифферентности крестьянства в политической борьбе или о его неизбежной контрреволюционности²⁴. Так ли это? Статистические данные, приведенные в книгах В. Маттеса и Г. Бейера²⁵, позволяют сделать вывод, что около $\frac{1}{5}$ всех занятых в сельском хозяйстве во время войны составляли батраки. Но, кроме 300 тыс. батраков и поденщиков, 240 тыс. крестьянских семей владели мельчайшими хозяйствами (до 2 га) и 172 тыс. — мелкими (от 2 до 5 га). Эти две категории составляли примерно 62% всех хозяйств Баварии. Дифференциация в баварской деревне была очень сильна, имел место земельный голод, и вопрос о земле был важной проблемой для крестьянства Верхней и Нижней Баварии, Швабии, Верхнего Пфальца и Франконии. Все это очень далеко от картины «благоденствующего крестьянства», которую рисует П. Вернер²⁶. В Баварии имелась серьезная экономическая база для острой классовой борьбы в деревне.

Во время войны деревня платила государству большой «налог кровью». К концу 1916 г. около $\frac{1}{3}$ мужского населения Баварии было призвано на военную службу. Принудительное регулирование экономики, в частности принудительные закупочные цены на продукты сельского хозяйства, также способствовало росту антиправительственных и антивоенных настроений среди крестьян.

Революционные возможности были заложены, следовательно, и в баварском крестьянстве. Но вопрос заключался в том, кто сумеет повести за собой сельский пролетариат, бедное и беднейшее (а частично и среднее) крестьянство — рабочий класс или буржуазия.

Созданные буржуазией в союзе с кулачеством крестьянские организации (Баварское крестьянское общество и Сельскохозяйственное обще-

²¹ Краткую социально-экономическую характеристику Баварии в рассматриваемый период см. в работах: Н. Е. Застенкер. Баварская Советская республика. М. 1935; М. А. Полтавский. Баварская Советская республика. М. 1959.

²² См. F. Zahn. Bayern und die Reichseinheit. München. 1925, S. 12.

²³ См. В. Будих-Дитрих. Мюнхенские коммунары. М. 1929, стр. 10.

²⁴ См. П. Вернер. Баварская Советская республика. М. 1924.

²⁵ W. Mattes. Die bayerischen Bauernräte. Stuttgart und Berlin. 1921, S. 24; Н. Бейер. Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München. Berlin. 1957.

²⁶ П. Вернер. Указ. соч., стр. 13.

ство), насчитывавшие в 1918 г. 280 тыс. членов, вели в деревне систематическую работу, пропагандировали шовинистические идеи, издавали газеты. Опорой властей в деревне была католическая церковь.

Сельскохозяйственные рабочие Баварии до самой революции не имели самостоятельной организации. Свободный профсоюз сельскохозяйственных рабочих насчитывал в 1918 г. лишь 200 членов²⁷.

В период войны, особенно на ее заключительном этапе, имелась возможность сплотить большую часть баварского крестьянства вокруг общедемократического лозунга борьбы за прекращение войны; рабочий класс мог бы повести за собой широкие слои крестьянства, если бы его партия выдвинула лозунги по аграрному вопросу, соответствующие социальным интересам сельского пролетариата, беднейшего и части среднего крестьянства. Однако это не могло быть сделано социал-демократией большинства, не помышлявшей о революционном выходе из войны и потому не искавшей союзников для борьбы с буржуазией. Это не было сделано и независимцами, виднейшие руководители которых принесли с собой в новую партию весь идейный арсенал центризма и в том числе пренебрежение к крестьянскому вопросу. Такого рода пренебрежение было свойственно и германским левым, на что неоднократно указывали большевики еще в довоенный период. Конечно, выдвигавшиеся левыми лозунги прекращения войны путем свержения существующего строя были обращены и к крестьянству. Но в деревне левые не вели сколько-нибудь серьезной организационной работы, которая позволила бы доводить эти лозунги до сознания крестьян и сплачивать последних.

К осени 1917 г. в Баварии имелось сильное радикальное течение в рабочем классе. Политическими и организационными центрами революционно настроенных рабочих был комитет НСДП Мюнхена и кружки на заводах Мюнхена, Нюрнберга, Аугсбурга и Фюрта, руководимые спартаковцами и левыми независимцами.

Еще весной 1917 г. комитет независимцев Мюнхена во главе со столяром Альбертом Винтером объединил вокруг себя 35 человек, затем число рабочих, покинувших «правительственную» СДПГ и перешедших в НСДПГ, увеличилось до 250 и продолжало расти²⁸. Инструментальщик завода «Байеррише моторен-верке» (BMW) сторонник спартаковцев Лоренц Винклер создал кружок из 15 человек, «с помощью которых он в полной тайне обрабатывал коллектив», — как сообщал в полицию один из директоров завода²⁹. Группа молодых рабочих и солдат создала в Мюнхене левую молодежную организацию. Инициаторами выступили Альберт Винтер (младший), Бетти и Эмилия Ландауэр, Карл Крёпелин и другие. Они активно участвовали в подготовке всеобщей стачки в Баварии.

В полицейских донесениях подчеркивается связь рабочих организаций Баварии с русскими военнопленными, значительное число которых находилось в районе Мюнхена. Военнопленные и некоторые русские революционеры-эмигранты, оказавшиеся в Мюнхене к началу войны, принимали активное участие в политической жизни Баварии в 1917—1919 годах.

В подготовке стачки в Баварии большую роль сыграли массовые собрания, проведенные левыми независимцами и спартаковцами 27—30 января. О настроениях, царивших на этих собраниях, можно

²⁷ См. W. Mattes. Указ. соч., стр. 36.

²⁸ DZA Potsdam. Bd. V, S. 230. Самостоятельная группа «Союза Спартака» образовалась в Мюнхене лишь 11 декабря 1918 г., а организация КПГ — в начале января 1919 года. Но спартаковцы имели в этом районе большое влияние в течение всего 1918 года. В. Пик относил Баварию к числу сильнейших округов, поддерживавших спартаковское движение (см. журнал «Пролетарская революция», 1928, № 11—12 (82—83), стр. 170).

²⁹ DZA Potsdam. Bd. I, S. 220 f.

судить по городскому собранию членов НСДПГ, состоявшемуся в Мюнхене 27 января. Курт Эйсер³⁰ выступил с докладом на тему «Мирные переговоры в Брест-Литовске и ожидания народа». Эйсер зачитал призывы из спартаковской листовки «В понедельник, 28 января, начинается массовая стачка!»: «Долой войну! Долой правительство! Да здравствует забастовка!» Оратор потребовал освобождения Карла Либкнехта из тюрьмы. Когда Эйсер сообщил о начавшемся в Берлине движении, зал встретил слова докладчика аплодисментами и возгласами: «И здесь должно начаться! С нас довольно! Мы больше не хотим!»³¹.

Рабочие Мюнхена, Нюрнберга, Фюрта на протяжении всех дней стачки (и дней, непосредственно предшествовавших ей) проявили замечательное чувство солидарности со всеми пролетариями Германии. Баварцы считали своим долгом поддерживать берлинских товарищей. Одна из арестованных участниц событий показала во время следствия, что рабочие Мюнхена «лишь ожидали сигнала из Берлина, чтобы вступить в стачку». Архивные материалы позволяют проследить и организационную связь стачечников Баварии и столицы. Во время обысков у руководителей мюнхенских рабочих полицией были изъяты гектографированные листки с информацией о ходе берлинской стачки, присланные из Берлина, телеграммы о посылке денег из Берлина для организационных и пропагандистских нужд независимцев. С энтузиазмом встречали мюнхенские рабочие на собраниях известия о стойкости берлинского пролетариата в борьбе, и сообщения о событиях в Берлине оказывали воздействие на колеблющихся.

Баварские социал-демократы открыто выступали против стачки, против поддержки бастующего пролетариата Берлина. Они были надежной опорой самого правого, шейдемановского крыла в рабочем движении Германии. Лидер баварских социал-демократов Эрхард Ауэр (1874—1945 гг.) был одной из самых «ярких» фигур в галерее предателей германского рабочего класса периода первой мировой войны. Партийное руководство послало его в Мюнхен с заданием организовать поддержку рабочими военной политики правительства и «привести к успокоению членов партии, выступающих против войны»³².

В напряженные дни конца января — начала февраля 1918 г. на помощь правительству выступил весь ареопаг баварских социал-демократов большинства: депутаты рейхстага и ландтага Эрхард Ауэр и Франц Шмитт, депутаты ландтага Иоганн Тимм и Иозеф Курт (председатель и секретарь Свободных профсоюзов Баварии). Шовинистическая позиция руководителей баварской социал-демократии была отчетливо выражена Ауэром в беседе с руководителем баварской партии центра Пиклером в конце января 1918 года. «Я борюсь против стачки,—говорил Ауэр,—из-за нее мы проиграем войну»³³.

28—30 января лидеры социал-демократов еще надеялись свернуть

³⁰ Курт Эйсер (1867—1919 гг.), писатель, в 1898—1905 гг.— один из редакторов «Vorwärts»; был выведен из состава редакции за поддержку ревизионизма. До первой мировой войны работал в баварской социал-демократической прессе. В начале войны стоял на позициях «защиты отечества», но уже в 1915 г. выступил против руководства СДПГ и поддержал решения Циммервальдской конференции. К концу войны Эйсер, как об этом свидетельствуют архивные документы, выступал за революционный выход из войны. Он был одним из организаторов политической стачки в январе 1918 года. Однако путаные и противоречивые теоретические воззрения Эйсера помешали ему стать последовательным пролетарским революционером. Эйсер не понимал характера Октябрьской революции и политики большевиков. Во время Ноябрьской революции Эйсер возглавил первое республиканское правительство Баварии; в феврале 1919 г. он был убит монархистом.

³¹ DZA Potsdam. Bd. IV, S. 76—78.

³² См. Н. Веуер. Указ. соч., стр. 3. После революции Ауэр возглавил травлю К. Эйсера, завершившуюся убийством вождя баварских независимцев.

³³ А. Winter. Kritische Flugschriften der USPD-Opposition. München (O. J.); Н. Веуер. Указ. соч., стр. 2.

движение, используя своих сторонников из числа руководителей заводских рабочих организаций. На собрании рабочих завода Круппа 28 января социал-демократы пытались отвлечь их внимание от политических вопросов, выдвигая на обсуждение, по существу, нежизненные для того времени проблемы «переходного (от войны к миру) хозяйства». Докладчик Ф. Шмитт не только предостерегал рабочих от участия в стачке, но и запугивал их большими трудностями на рынке труда в случае заключения мира и проведения демобилизации. Только тогда, говорил Шмитт, когда выяснится, что переговоры в Брест-Литовске прерваны определенно по вине германского правительства, настанет момент для действий рабочих³⁴.

Но, несмотря на старания лидеров социал-демократии затормозить движение баварских рабочих, оно развернулось с большой силой. 31 января — первый день всеобщей забастовки в Мюнхене. В борьбу вступили, по внутренним полицейским сообщениям, около 3 200 человек.

В секретных полицейских сводках событий за этот день упоминаются 11 собраний мюнхенских рабочих в крупнейших залах города и под открытым небом. «Мы больше не имеем доверия к руководству вождей (правых социал-демократов.— И. К.), пусть движением руководят сами рабочие», — говорил председатель рабочего комитета завода Круппа социал-демократ Рэк рабочим, собравшимся утром 31 января у заводских ворот. Это выступление свидетельствовало о полевении части рабочих — социал-демократов, начинавших разбираться в поведении своих лидеров. Рабочий Поппаль высказался еще более резко о правых профсоюзных лидерах: «Вожди профсоюзов — предатели; и для них придет час расплаты»³⁵. Было предложено избрать Комитет действия, но не вводить в него правых социал-демократов.

Собрание рабочих завода Круппа 31 января знаменательно также тем, что левые поставили на нем вопрос о привлечении армии на сторону рабочих. Солдат, говорили ораторы, в последние дни снова убеждают, что они должны стрелять не только во врагов, но и в отцов и матерей. «Необходимо привлечь их на свою сторону. При этом, в случае нужды, необходимо устранять офицеров»³⁶.

На этом собрании с огромной силой проявился дух пролетарского интернационализма. Германские рабочие приняли обращение к рабочим России, Англии, Франции, Италии, Бельгии и США, которое свидетельствовало о росте классового самосознания рабочих Мюнхена, сумевших преодолеть узконационалистические настроения в условиях войны, бешеного разгула шовинизма. «Бастующие рабочие Мюнхена, — говорилось в резолюции, — передают свой братский привет бельгийским, французским, английским, итальянским, русским и американским рабочим. Мы чувствуем себя едиными с вами в решении положить конец войне. Мы не хотим давать себя убивать. Мы хотим сообща добиться такого всеобщего мира, который обеспечит всем людям свободу и счастье. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»³⁷.

Рабочие мюнхенского завода Круппа вступили в борьбу. Было решено на работу не выходить, а днем организовать демонстрацию к заводам «Маффей» и BMW и призвать рабочих этих заводов присоединиться к стачке. Для боевого настроения рабочих характерно, что было решено в случае запрета шествия демонстрацию не отменять и, «невзирая на жертвы, добиваться своего».

На собрании рабочих BMW 31 января произошли резкие столкновения рабочих и левых независимцев с вождями социал-демократической

³⁴ DZA Potsdam. Bd. V, S. 239.

³⁵ Там же, стр. 110.

³⁶ Следует также отметить, что левосоциалистическая молодежная организация вела пропаганду в мюнхенских казармах. См. там же. Т. IV, стр. 5—6.

³⁷ Там же, стр. 91—92; см. также Н. Е. Застенкер. Указ. соч., стр. 55—56.

партии. Здесь первым против стачки выступил Ауэр. Во время речи Ауэра в зал вошли около 100 рабочих (в большинстве своем с завода Круппа) во главе с К. Эйсером. Взяв слово, Эйсер предостерег рабочих против лидеров социал-демократической партии и профсоюзов. «Вожди социал-демократов все время ждут революции в других странах, вожди социал-демократов вражеских стран ждут революции в Германии; так это дело вертится по кругу, и ничего не получается», — говорил Эйсер.

Эйсер призвал рабочих к стачке. К началу собрания лишь около 1/3 рабочих BMW примкнули к бастующим, остальные колебались. «Собрание началось спокойно», — показывал в прокуратуре Тимм. Но постепенно атмосфера накалялась. «Не будьте трусами!» — раздавалось в зале. Когда Ауэр и Тимм пытались снова взять слово, рабочие криками и свистом не дали им говорить³⁸. Социал-демократических вождей фактически изгнали с собрания. Рабочие избрали новый рабочий комитет и приняли решение вступить в стачку 1 февраля. На 8 час. утра была назначена демонстрация рабочих завода по улицам Мюнхена.

Решение об участии в стачке с 1 февраля единодушно приняло также собрание рабочих авиастроительного завода. Этот завод дал наибольшее число стачечников — 3 300 человек. Вся рабочая Бавария активно включилась во всеобщую политическую стачку, начатую металлстами Берлина. В Нюрнберге бастовало 50 тыс. рабочих, в Фюрте — 3 тысячи. В промышленном городе Швейнфурте остановились все предприятия.

Политический характер событий нашел отражение в требованиях стачечного движения, выдвинутых на собраниях, митингах, во время демонстраций в Мюнхене, Нюрнберге, Фюрте. Эти требования позволяют сделать вывод, что влияние спартаковцев в Баварии было значительным и их лозунги были широко распространены среди баварских рабочих. Рабочие подчеркивали, что на этот раз речь шла не о зарплате, а о политическом давлении на правительство. Политические требования на всех без исключения предприятиях оттеснили на задний план требования экономические. Член рабочего комитета завода Круппа слесарь Генрих Балтус показал на следствии после стачки, что, хотя введение воскресной работы и недостаток средств существования тоже сыграли свою роль в событиях, «настоящим основанием для стачечного движения явился образ действий правительства в политической области»³⁹.

Распространявшаяся в январе в Мюнхене листовка «Призыв к германскому народу!» звала рабочих принудить правительство к отставке, или, «если ничего другого не останется, свергнуть его». В полицейских донесениях указывается, что ораторы «прямо призывали к революции»⁴⁰.

Баварских рабочих, так же как и рабочих всей Германии, волновали вопросы войны и мира. Участник событий К. Крёпелин говорил на следствии, что рабочие рассчитывали с помощью стачки повлиять на ход переговоров в Брест-Литовске, с тем, чтобы они развивались «в духе русских требований», то есть добиться немедленного заключения всеобщего мира без аннексий и контрибуций⁴¹.

В Нюрнберге антивоенные настроения нашли свое отражение в грандиозных демонстрациях забастовщиков 28 и 29 января. Рабочие «проходят по улицам с плакатами, на которых написано: «Мир!» — сообщила правительственная газета⁴². В демонстрации нюрнбергских рабочих 29 января, одной из самых крупных демонстраций в Германии за все годы войны, участвовало до 25—30 тыс. человек. Ораторы выступали «против капитализма», «против политики правительства и особенно про-

³⁸ DZA Potsdam. Bd. V, S. 77, 162.

³⁹ Там же. Т. I, стр. 272.

⁴⁰ Там же. Т. III, стр. 105.

⁴¹ Там же. Т. IV, стр. 16; т. V, стр. 268.

⁴² «Bayerische Staatszeitung», 30 января 1918 года.

тив поведения генерала Гофмана во время мирных переговоров»⁴³. Требование мира на Западе и Востоке и прямая поддержка позиции Советской России на переговорах в Брест-Литовске были наиболее распространенными требованиями стачечников в Баварии.

Политический характер стачки ярко проявился и в выражениях симпатии рабочих к русской революции, в призывах к солидарности с рабочим классом России, совершившим пролетарскую революцию. Полицейские донесения сообщали о «прославлении русской революции» на рабочих собраниях в Мюнхене⁴⁴.

Вечером 31 января Курт Эйсер был арестован. В тот же день и в первые дни февраля были арестованы и многие другие руководители стачечного движения. Но рабочие продолжали бастовать. Оставшиеся на свободе активисты распространяли среди рабочих листовку, отпечатанную на гектографе, с призывом продолжать борьбу и требовать освобождения арестованных.

В содержании этой листовки отразилась огромная популярность среди немецких рабочих ленинской программы мира. Первый пункт листовки гласил: «Германское правительство должно немедленно предложить мир всем воюющим странам на основе отказа от каких-либо открытых или скрытых аннексий, от контрибуций, при соблюдении права на самоопределение народов»⁴⁵.

1 февраля в стачку вступили новые предприятия. Полностью включились в забастовку рабочие авиазавода; к бастующим присоединились 1 100 рабочих заводов «Отто-верке», 600 человек с завода точных приборов, около 300 рабочих папиросной фабрики⁴⁶. 2 и 3 февраля в городе состоялись крупные демонстрации бастующих. Стачечники сомкнутыми рядами прошли через центр города.

В эти дни власти и их союзники из руководства социал-демократической партии Баварии и правых профсоюзов полностью объединили свои усилия в борьбе против стачки. Штрейкбрехеров доставляли на заводы под военной охраной. Некоторые приемы, к которым прибегла баварская буржуазия при поддержке социал-демократов в борьбе со стачкой, являются продуктом «коллективного опыта» капиталистов и социал-предателей всех стран. Для воздействия на сознание политически незрелых рабочих была пущена в ход версия о связях организаторов стачки с определенными кругами за пределами Германии, заинтересованными в подрыве германской мощи. Правительственная «Bayerische Staatszeitung» еще за несколько дней до стачки, 21 января 1918 г., писала, что центр по организации беспорядков в Германии создан в Цюрихе. В разгар стачки, 3 февраля, «Münchener Neuste Nachrichten» дала обзор английской прессы, составленный таким образом, что читатель должен был сделать вывод о связях стачечников с руководящими кругами Антанты и даже с самим Ллойд-Джорджем.

Наконец, баварские социал-демократические руководители по примеру своих собратьев в столице решились на маневр, воплощенный в истории социал-предательства в формуле «возглавить, чтобы обезглавить». Как показал позднее Ауэр в прокуратуре (он был вызван в качестве свидетеля по делу Эйснера), 31 января лидеры социал-демократической партии и профсоюзов считали «наиболее целесообразным вызвать среди самих рабочих движение против стачки»⁴⁷. Но эти попытки не имели успеха. Тогда 1 февраля баварское правление социал-демократической партии единогласно приняло решение включиться в стачечное движение

⁴³ DZA Potsdam. Bd. II, S. 77. Из донесения полицейского агента.

⁴⁴ Там же. Т. V, стр. 106.

⁴⁵ Там же. Т. III, стр. 12.

⁴⁶ Там же. Т. I, стр. 191.

⁴⁷ Там же. Т. V, стр. 131.

и взять руководство им в свои руки с тем, чтобы 4 февраля была возобновлена работа на предприятиях⁴⁸. Неожиданно для стачечников правление партии объявило, что оно признает требования рабочих справедливыми и будет их защищать. Об этом было сообщено 2 февраля в «Münchener Post».

После принятия решения «об участии в стачке» лидеры социал-демократов направили все свои усилия на ее срыв. 2 февраля Ф. Шмитт собрал доверенных от предприятий и заявил, что движение не может продолжаться без определенного руководства и что необходимо избрать городской стачечный комитет⁴⁹. К этому времени все наиболее популярные руководители стачки были уже арестованы. В Берлине движение было дезорганизовано шейдемановцами и жестоко подавлено. В этих условиях мюнхенским рабочим — участникам стачки не были ясны дальнейшие перспективы движения. Продолжавшаяся с большой энергией «обработка» рабочих со стороны социал-демократов начала принести плоды.

В избранном 2 февраля городском стачечном комитете преобладали социал-демократы большинства. На заседании, проходившем в тот же вечер при участии Ф. Шмитта, решение руководства социал-демократов (включая и пункт о возобновлении работы 4 февраля) было одобрено. Постановили также избрать депутацию к правительству, чтобы «защищать требования стачечников»⁵⁰. На тех предприятиях, где вопрос о вступлении в стачку еще решался и где массы колебались, социал-демократы выступили с демагогическим лозунгом — провести однодневную демонстративную стачку (тоже с возобновлением работы 4 февраля).

Наиболее сознательные рабочие понимали маневры лидеров социал-демократии. Молодая работница завода точных приборов Мария Гейльмайер говорила на допросе в прокуратуре в марте 1918 г., что предложение об однодневной стачке Ауэр сделал «явно лишь для того, чтобы успокоить умы»⁵¹.

Помимо юнкерско-буржуазного государства, социал-демократов и их профсоюзов, была еще одна сила, очень серьезная в условиях Баварии, которая боролась за срыв стачки, — католические рабочие организации, так называемые христианские профсоюзы. Руководитель христианского союза металлистов Мюнхена Босбах еще 28 января 1918 г. на собрании рабочих Круппа выступил против стачки⁵². 31 января городской комитет христианских профсоюзов опубликовал в правительственной «Bayerische Staatszeitung» заявление против забастовки. Секретарь христианских профсоюзов Мюнхена Казехаге по телефону информировал полицейского комиссара о ходе рабочих собраний. Настойчивая пропаганда правых социал-демократических и профсоюзных лидеров, опиравшихся на «рабочую аристократию» баварских заводов, оказывала определенное влияние на часть мюнхенских рабочих. Два мюнхенских завода — «Маффей» и паровозостроительный — почти полностью не участвовали в стачке под влиянием «христианских» и социал-демократических лидеров⁵³.

Предатели интересов рабочего класса сделали свое черное дело. 4 февраля работа на баварских предприятиях была возобновлена.

⁴⁸ Там же, стр. 29.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ «Münchener Post», 3 февраля 1918 года.

⁵¹ DZA Potsdam. Bd. V, S. 36.

⁵² Там же, стр. 239.

⁵³ Последовавшие затем месяцы напряженной борьбы в Баварии привели и рабочих завода «Маффей», в массе своей коренных баварцев, в ряды передовых борцов. Сотни из них с оружием в руках отстаивали рабочую власть в Мюнхене в апреле 1919 года.



С помощью террора и при самом активном участии правых лидеров социал-демократии и профсоюзов крупнейшее выступление германского пролетариата — январская всеобщая политическая стачка — было сорвано в Баварии, так же как в Берлине и по всей стране. Власти ставили заводы под военный контроль, распускали рабочие Советы, арестовывали и предавали суду активистов. До 50 тыс. рабочих Берлина — участников стачки — были призваны в армию. Особая секретная инструкция предлагала по возможности скорее посылать на поле боя солдат с пометкой «Berlin 1918» на военных документах (что было условным обозначением для активного участника стачки)⁵⁴.

За поражение рабочего класса Германии в январе — феврале 1918 г. ответственность несут и центристские руководители Независимой социал-демократической партии, дезорганизовавшие своей нерешительной, оппортунистической тактикой все движение. Спартаковец — автор сообщения, известного под названием «Neuköllner Bericht»⁵⁵ — писал, что берлинский Комитет действия во главе с независимцами — депутатами рейхстага «не искал объединения с революционной энергией масс... главным образом в связи с недостатком доверия к массам и не в последнюю очередь потому, что независимцы с самого начала представляли себе стачку не иначе как демонстративную. Комитет под влиянием депутатов (рейхстага) ограничил себя организацией переговоров с правительством вместо того, чтобы с самого начала отказаться от всяких переговоров и развязать энергию масс в самых различных формах».

Несколько месяцев, прошедших после пролетарской революции в России, были очень важным периодом в истории германского революционного движения. Группа «Спартак» завоевала в это время авторитет и симпатии среди наиболее сознательной части рабочего класса; это подтверждается тем фактом, что как с полным основанием пишет В. Бартель, «борющиеся массы переняли лозунги группы «Спартак» и создавали себе в рабочих Советах органы борьбы, которые пропагандировались только группой «Спартак»⁵⁶. Спартаковцы стремились поднять германский пролетариат на помощь русской революции.

Рабочие Советы, зародышевые формы которых появились в Германии уже в апреле 1917 г., во время январской стачки получили широкое распространение. Там, где Советы противились стачке, рабочие, как мы видели на примере Баварии, переизбирали их. Новые Советы имели уже иное содержание: борющийся рабочий класс создавал органы революционного руководства.

После поражения январского выступления рабочих Германии только спартаковцы сумели поставить перед ними ясные цели, конкретные боевые задачи. В марте 1918 г. спартаковцы издали листовку с призывом к повсеместному созданию Советов рабочих и солдатских депутатов, к вооружению рабочих и захвату власти. В листовке намечались и первые мероприятия рабочей власти⁵⁷.

Во время революционной борьбы в конце 1917 г. — начале 1918 г. с огромной силой проявилось значение пролетарской солидарности, братского интернационализма в борьбе за освобождение рабочего класса всех стран. Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала мощный подъем рабочего движения в Германии. Германский же рабо-

⁵⁴ W. Bartel. Указ. соч., стр. 506.

⁵⁵ «Dokumente und Materialien...». Bd. 2, Dok. № 55, S. 131—136. Редакторы сборника высказывают обоснованное предположение, что автором этого документа является Л. Йогихес.

⁵⁶ См. сборник статей «Revolutionäre Ereignisse und Probleme», S. 159.

⁵⁷ «Dokumente und Materialien...». Bd. 2, Dok. № 56, S. 137—138.

чий класс выступил в поддержку Октябрьской революции и своей борьбой в определенной мере связал руки юнкерско-империалистической верхушке Германии.

Советское правительство и Коммунистическая партия внимательно следили за развитием событий в Германии. В. И. Ленин в своих выступлениях в декабре 1917 г.—марте 1918 г. неоднократно анализировал положение в Германии, состояние классовой борьбы в этой стране; он высоко оценивал революционную борьбу немецких рабочих в этот период и прежде всего январскую всеобщую стачку. «Обаяние русской революции,—говорил Ленин,—выразилось в первом грандиознейшем за все время войны выступлении германских рабочих, которые на брестские переговоры реагировали колоссальной забастовкой в Берлине и других промышленных центрах. Это выступление пролетариата в стране, одурманенной угаром национализма и эпьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата»⁵⁸.

Когда в Петрограде были получены сообщения о всеобщей стачке в Германии, Советское правительство обратилось со специальным воззванием «Всем!»⁵⁹. Этот документ, проникнутый волнующим пафосом революционной эпохи, показывает, как воспринимались в революционной России январско-февральские события в Германии, какие надежды возлагал русский рабочий класс на братскую поддержку немецкого пролетариата, поднявшегося на политическую борьбу большого масштаба. Союз и дружба рабочего класса двух стран необходимы в интересах мира и социализма — вот один из самых важных выводов из событий 1917—1918 гг., который был сделан лучшими представителями немецкого рабочего класса — спартаковцами, а позднее коммунистами, отдававшими все свои силы делу укрепления этой дружбы.

На основании уроков 1917—1918 гг. революционные силы Германии сделали и другой важный вывод. Верный классовый инстинкт, так ярко проявившийся во время всеобщей стачки, не мог заменить руководства партии, которая умела бы не только политически правильно оценить обстановку и поставить правильные задачи, но и организационно объединить рабочий класс и повести его к победе. В январе—феврале 1918 г. с большой силой сказалось отсутствие такой партии. Германские левые пришли к убеждению, что необходимо создать самостоятельную, до конца революционную партию рабочего класса.

События ноября 1917 г.—февраля 1918 г. и прежде всего всеобщая стачка, были, по существу, прологом Ноябрьской революции: они показали силу рабочих, многому научили их, ускорили их политическое воспитание. Борьба баварских рабочих и рабочих других областей Германии за мир, за революционный выход из войны, в поддержку Советской России в период 1917—1918 гг. была и остается одной из самых славных страниц в истории германского рабочего движения.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 505.

⁵⁹ «Dokumente und Materialien...», Bd. 2, S. 107—110.